Сага о русском

Рассейские люди ходят по работам и заходят к границам и дальше. Один мужик пошел по пашпорту и зашел к черкесской границе. Вдруг поймали его черкесы и отправили его на морские острова, в Писигалевцы (?) , которые едят русских людей. Продали его хозяину, который определил его на конюшню к тройке лошадей. А у него прежде его был русский человек пойман, которого он кормил три года, после зарезал, съел. В одно время поехал он с этим (последним) купленным русским в лес. Приехали они в лес, выпрягли лошадей, заставил он русского копать яму под большим деревом и навел под этим деревом машину булатную, сам говорит: «Ну, русский, полезем на дерево!». Когда влезли на дерево, то стал хозяин играть в дудку, которая приманивает больших змей или полозов. Когда ползет полоз такой сильный, что трава от него горит. Когда наполз на эту яму, на булатную машину; вдруг хозяин дернул за шнур, пересек его надвое, тогда сейчас слезли с дерева, давай его (полоза) (там все, и собак, и кошек, и все едят) рубить на части. Перерубил, перемыл, склал их в кадку для ветчины, а одну часть отдал русскому варить.

Когда ж русский положил ее в котел, налил воды — закипела вода. Хозяин говорит русскому: «Слей наземь!». Когда вылил он ее на траву, трава до земли выгорела: такой яд в ней был. Говорит хозяин: «Наливай другую воду!». Когда закипела другая вода, он и ту приказал вылить на землю. Когда вылил он вторую воду, то трава лишь пожелтела. «Наливай третью воду, сыпь крупу, вари кашу!». Когда сварилась каша, хозяин приказал снять. Тогда хозяин берет ложку, давай кашу есть. Поел хозяин кашу, остались пригарки в котле, и говорит русскому: «Возьми ж ты, русский, вымой этот котел и чисто выскобли, но только не ешь! А как поешь, так умрешь: это русские не употребляют». Русский говорит: «У нас этого в России не видано, не то что есть!».

Тогда хозяин взял себе под дуб войлок и подушку и лег отдыхать. Русский пошел к воде мыть котел и думает себе: «Смерти не миновать, как того зарезал, так и меня зарежут. Дай попробую!». По русскому образованью, перекрестился, давай кашу есть, приварки. Поел он кашу и разумел все разговоры, что скоты, что птицы, что звери, всякого званья. Тогда сейчас русский рассмеялся и говорит: «Как бы мне себя укрепить, чтобы не

признал меня хозяин!». Принес котел, постановил под повозку, сам сел на дерево и думает себе. Вдруг кобыла говорит сыну своему, мерину: «Что хозяин долго спит, нам далеко ехать!». Вдруг проснулся хозяин. «Русский, давай лошадей, пора нам ехать!». Русский привел лошадей, запрягли, кадку с ветчиной поставили на повозку, сели и поехали ко двору. Когда приехали ко двору, то приказал ему лошадей выпрячь и это все убрать. Русский отпряг лошадей, все убрал, дал им корму, ходит за ними прилежно, холит и чистит, а тройка лошадей только: два мерина да кобыла.

Через несколько времени взошел русский на конюшню. Вдруг меринья между собой говорят, меньший старшему: «Вот, говорит, попадаются нам добрые люди, да недолго живут. Тот, говорит, за нами хорошо ходил (которого зарезали-то), а этот еще лучше ходит, и покоит и жалеет!». А старший говорит брату: «Как он ни старайся и хозяину ни служи, а заслуга будет та же, что других, и его хозяин зарежет». А он слухает, стоит. Вот меньшой мерин и отвечает старшему: «В такой-то месяц, в такое-то число будет у нашего хозяина бал, съезжаться будут гости; как бы он знал русский да сел на меня, я бы его на русскую границу вывез!». Старший ему говорит: «Нет, говорит, ты не вывезешь, а как на меня сядет, я вывезу». Вдруг кобыла, мать их, и говорит: «Вы оба хвалитесь о пустом, хоть на какого из вас садись, вы оба пропадете, хозяин нагонит и его и вас изрубит». Вот кобыла и говорит: «Если он бы знал да сел на меня, я вывезу, а ваш разговор пустой!».

Русский стоял, долго думал: «Если сбудется истинная правда, что такого-то месяца, такого-то числа будут к хозяину гости, отлучится хозяин от двора, сяду на кобылу, попробую: вывезет ли кобыла?». Так точно и было. Приближается это число, хозяин заготовляет, приказывает: «Чтобы было всем моим приятелям пить, есть, веселиться и всякими забавами забавляться». Когда приблизился этот день, съезжаются к нему гости. Пошли, погуляли, повеселилися, просят прочие его к себе погулять. Говорит он русскому: «Заложи мне одну лошадь, я поеду к приятелю, а ты оставайся дома и при конюшне». Тогда поехал хозяин в гости, тогда русский сейчас взял оседлал кобылу, поехал со двора. Вдруг сейчас хозяин в малом времени погулял, взъезжает на двор свой, то старший мерин говорит младшему: «Убежала наша матушка, увезла и русского!». Тогда сейчас хозяин бросился на конюшню, сейчас оседлал лошадь и погнал вдогон за ним. Кобыла русскому говорит: «Ну, смотри ж, русский, держись крепче, но не трогай меня за повода и не бойся ничего — ни горы, ни воды!». Вдруг, не доезжаючи до реки Кубани, нагоняет их хозяин. Вдруг русский говорит

кобыле: «Ну, гонит за нами хозяин: не быть нам живым обоим». Как подбежала кобыла к реке, бросилась со всех ног в воду, на ту сторону выплывает, а хозяин к этому берегу подъезжает. Бросилась берегом против воды бежать. Она с того берега на свою сторону бросилась; она уж на том берегу, а хозяин с того берегу опять за нею. Вдруг бросилась опять с этого берегу в воду, когда переплыла на русский берег. «Теперь смотри, русский, он нас не догонит. Будет тебе кричать, скажет тебе: „Русский, скажи: чернобыль-трава , ты молчи, то все позабудешь». Когда ж кобылица переплывает на русский берег, а хозяин на свой, видит хозяин, что не нагнать ему, и шумит ему: «Русский, скажи: чернобыль-трава!». А он знает: поехал молча.

Когда привезли его до русской границы, даже за русскую границу увезли, кобылица русскому говорит: «Ну, русский, слезай теперь с меня и разбери чисто меня, узду, седло сними. Я теперь к хозяину не пойду: мне у него живой не быть. Только смотри, русский (я тебе добра хочу и разуму научу), что ты знаешь, не сказывай никому, а как скажешь — двух минут не проживешь, помрешь!». Кобыла пошла в заповедные луга, а русский своей дорогой.

Когда ж приближается русский к Расее (России), подходит близко к темному великому лесу, тут было великое озеро, продовольствие для диких птиц. Вдруг летит великое стадо диких гусей. Задние гуси вдруг зашумели переднему: «Давай садиться на этом озере, тут пространно и сытно». А передний говорит: «Нет, говорит, полетим дальше! Тут хотя сытно, да тратно: много бьют». Мужик слухает, что они говорят. Полетели они дальше, не сели. Вдруг зашел он в темный лес, увидал он превеликий дуб, преогромный. Летит второе стадо гусей. Вдруг задние кричат то же самое: «Давай садиться на этом озере, тут пространно и сытно». А передний говорит: «Тут хотя сытно, да тратно! Полетим дальше». Заходила тучка, и вдруг передние гуси говорят: «Вот, говорят, этот гром ударит в этот дуб и самую вершину до самого корня в мелкие части разобьет!». Русский это все слышит, что гуси говорят.

Вдруг подходит к этому дубу, сучья такие на нем густые, что даже дождь не пробьет. Вдруг едет помещик шестернею, наступает сильный дождь; он говорит кучеру своему: «Подъезжай под этот дуб, покуда туча не пройдет». Мужик подошел к нему и говорит: «Нет, не извольте здесь становиться!». — «Почему же? ». — «Потому что гром этот дуб разобьет и вас побьет!». Помещик вдруг на него рассердился: «Что ты за пророк?». — «Когда не

сбудется по-моему, то я отдаю себя суду; прошу покорно, отъезжайте!». Помещик приказал кучеру отъехать. В недальном расстоянии отъехал, ударил гром в самый верх дуба и разбил его до самого корня в мелкие части. Тогда помещик приказал отворить карету и приказал его взять с собой и посадить рядом. Вдруг сейчас говорит ему помещик: «Приедем в дом мой, награжу тебя деньгами и дам тройку лошадей со всем убором. Вот тебе честное слово — пять тысяч рублей дам!».

И были с помещиком две собачки в дороге, и он дома, помещик, имел большую охоту насчет зверей. Вдруг ездят его лакеи в лесу на охоте за зайцами, волками, лисицами. Домашние собаки выбежали на дорогу, бегут к нему навстречу. Вдруг эти, которые с помещиком были, две собаки и говорят дворовым: «Нам так и так случилось; вот тут с нашим барином есть мужик, он нас всех от смерти отвел!». А домашние собаки говорят: «Вам-то так, а у нас дома несчастье есть». — «Какое?». — «У нас у барина деньги украли, сорок тысяч совсем с шкатулкою, деньги свои лакеи украли, в конюшне под доскою стоит шкатулка. А барыня теперь что думает: как барин на двор, так сама себе ножом по горлу. У ней уж и нож готов лежит, в столе приготовлен».

Когда мужик расслухал все и, не доезжаючи до дому своего верстах в пяти, вдруг говорит помещику: «Извольте здесь остановиться, а я пойду вперед!». Помещик и говорит: «Что тебе такое? Неужели тебе бесчестно со мной ехать?». Он говорит: «Если мне с вами ехать, то вам барыню свою живою не видать!». Помещик и говорит: «Почему ж так?» — «У вас дома несчастье есть: пропали у барыни деньги, и теперь она приготовила нож: как вы на двор, она себе по горлу!». — «Ну, ступай, я останусь». — «Вы извольте меньше четверти часа за мной в дом». Мужик приходит в дом. говорит: «Доложите барыне: вот какой-то мужик пришел, говорит, что от барина письмо есть». Вдруг лакей приходит, говорит: «Сударыня, какой-то мужик пришел!». Барыня приказала взойти ему. Вдруг мужик взошел, поклонился, говорит: вот от вашего барина есть у меня письмо к вам!». — «Ну, подай сюда письмо!». Тогда вдруг помещик приезжает на двор, она сейчас вскочила со стула, бросилась в столик за ножом. Мужик не допустил, удержал ее. Помещик выскочил из коляски, бежит прямо в дом, говорит: «Что вы, матушка?». Она говорит: «Признаюсь вам — хотела сама себя злой смерти предать!». Помещик все хочет поверить мужика, правду ли все мужик знает. «Чрез какую же досаду вы хотели себя злой смерти предать?». — «Признаюсь, друг мой, шкатулка с деньгами пропала!». Помещик говорит: «У, боже мой! Это наживное дело!». Боится ожесточить.

Когда ж призвал мужика помещик в особенную комнату: «Ну, брат! Спас ты меня и барыню мою от злой смерти. Вот тебе за услугу за эту тройку самых первых лошадей, какие только полюбятся, упряжь и экипаж, и в дар тебе дарую кучера!». — «На что ж мне все богатство? Среднюю тройку да хорошую бричку». — «Ну, очень хорошо! Что я еще об чем буду просить? Не можешь ли шкатулку с деньгами отыскать?». Он не хотел оскорбить лакеев, говорит: «Можно, только далеко ваша шкатулка!». — «А как далеко?». — «Так далеко, что останусь ночевать, поутру рано будет тут». Лакеи узнали об этом мужике: «На нас покажет!». Приходят к нему с извиненьем: «Простите и помилуйте! Защитите от казни!» — «Не бойтесь, будете правы. Все ли только деньги?». —,«Все». — «Ну, подите принесите!». Принесли шкатулку, вынимает мужик сто рублей: «Нате, ступайте, погуляйте!».

Поутру встает, говорит слугам: «Встал ли барин?». — «Встал!». — «Доложите ему, что я деньги отыскал». Вдруг и докладывают помещику, что мужик деньги отыскал. Помещик ужасно рад был и говорит: «Позвать его сюда!». Тот приходит мужичок, приносит шкатулку с деньгами. «Ну, друг мой, за сию услугу награжу я тебя и, что случится вперед, не забуду! Не покажешь ли ты мне вора?». — «Нет, сударь, эти воры далеко. Они принесли шкатулку с деньгами, сами опять в работу пошли!». Вот помещик призвал шесть кучеров. «Вот, говорит, выбирай любого кучера себе!». — «Нет, которого пожалуете, тем и доволен буду!». Вот он назначил ему кучера. Мужик говорит: «Пожалуйте ему, сударь, вольную, потому что я его в работу буду посылать!». Помещик сейчас написал ему вольную, отдает вольную мужику, а кучеру приказывает: «Ну, смотри: служи ему так, как и мне. Ступай, убирай тройку лошадей и в такую-то бричку!». Вынимает помещик этому мужику денег двадцать тысяч асс. А тогда дороже было, как нынче двести тысяч. Мужик поклонился, поблагодарил помещика, а помещик поблагодарил мужика. Съехал мужик со двора с кучером, отъехали путем-дорогою. Мужик кучеру говорит: «Остановись!». Вынимает вольную, дает полторы тысячи деньгами кучеру. «На тебе деньги и вольную, ступай, куда тебе надобно!». Вот кучер поклонился, поблагодарил.

Минувши тому уж три года, приезжает он вдруг в деревню свою; увидал народ, что он с великим богатством едет! Призвал его к себе помещик, расспросил его: «Где ты по сие время был?». Он ему рассказал все, что с ним было и в какой стороне он был. А что знает, то не сказал. Тогда просто было, помещик его расспросил и отпустил в дом свой.

Жена этого мужика ужасно была рада, поживши несколько времени, она стала его спрашивать: «Где ты по сие время был? Тому уже миновало три года!». — «А я, говорит, был в таких местах, барин об этом известен». Жена опять пристает, спрашивает неоднократно. «Когда ты в такой стороне жил между такими людьми, ты что-нибудь знаешь?». — «Нет, больше христианского языка ничему не умею». — «Ну, где ж ты такое богатство взял?». — «Так, говорит, счастье мое послужило мне!». Вдруг пристает к нему неоднократно, мужик вздумался сказать ей и подумал сам в себе: «Да что мне кобыла говорила, я скажу, ведь умру». Вдруг вбежали куры в избу и петух с ними. Схватилися курицы с курицами драться. Вот петух стал их разнимать. Одну крылом, другую другим, и говорит им: «Го-го-го! Я ведь не такой дурак, как хозяин мой. С одной женой и с той не может управиться, хочет ей правду сказать, а сам хочет помереть. Нет, у меня хоть сорок вас будь, я и то всем порядок дам! Как бы хозяин пошел в клеть, взял бы — казацкая у него есть плеть — да дал бы ей 125 ударов, небойсь, не стала бы приставать: „Скажи мне!“. Так бы покоен стал жить!». А мужик слышит, так сильно рассмеялся.

Жена к мужу вдруг прибежала и говорит: «Скажи, ты что-нибудь знаешь? А если не скажешь, то я пойду сейчас к барину и скажу, что ты по разбоям ездил и сам мне признавался, что несколько душ погубил!». Мужику так тесно стало. «Что, жена, я тебе скажу, да ведь я помру!». Она говорит: «Хоть помри, да мне скажи!». Мужик захотел свою жену уверить (испытать). «Ну, жена, топи баню, вымой меня да ступай за попом!». Сейчас жена вытопила баню и убрала его на смерть, потом сейчас побежала за попом, а он лег на место. Поп его христианским долгом исповедал, причастил. Тогда сейчас жена проводила попа, спрашивает мужа: «Ну? Что же, скажи, что ты знаешь?». Он говорит: «Что же, жена, говорит, обожди хоть с полчаса, надо мне с некоторыми приятелями проститься! Ну жена, проводи меня хоть на двор!». Жена схватила его под руки, проводила его на двор, сама воротилась в избу.

Тогда муж сейчас взошел в клеть, взял казацкую кургузку под по́лу плеть. Тогда сейчас идет, тогда жена ему говорит: «Ну, что же, скажи, что ты знаешь!». — «Фу, какая ты дура! Дай мне хоть до места дойти, то я скажу, на пороге и помру!». Тогда муж стал середь избы. «Жена, подойди, хоть простись со мной!». Она вдруг с радостью прибежала прощаться. Он ударил ее по уху, жена с ног полетела так крепко, что у него самого в ушах зазвенело. Тогда вынимает кургузку из-под полы, наступил ей левой ногой на косы, начал ее кургузкой покатывать, с боку на бок поворачивать, дал ей

75 ударов. Потом отдохнул, да и говорит: «Будешь ли меня спрашивать, что я знаю». Она закаялась великою клятвою, что «Отныне и до века никогда не буду!». Муж говорит: «Нет, я не смотрю на твою великую клятву. А все дела эти исполню наставника моего (петух-то его наставил)!». Отпустил 125 ударов и говорит: «Ну, жена, вставай! Вот тебе на первую встречу, вот что я знаю, а больше ничего!».

С тех пор стали жить мирно, дружелюбно, весело до конца.

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.